

Философский аспект проблемы смысла бытия

Князь Евгений Трубецкой

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Предисловие

Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. Когда была написана его первая глава, катастрофа, ныне постигшая Россию, только надвигалась и была мучительным предчувствием. Слышались отдаленные раскаты грома приближающейся грозы; но оставалась надежда, что она минует, и все еще казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 года. Теперь, когда он кончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуре.

Потребность ответить на вопрос о смысле жизни в такие эпохи чувствуется сильнее, чем когда-либо. Да и самый ответ при этих условиях приобретает ту выпуклость и рельефность, которая возможна только в дни определенного, резкого выявления мировых противоположностей. Где глубочайшая скорбь, там и высшая духовная радость. Чем мучительнее ощущение царствующей кругом бессмыслицы, тем ярче и прекраснее видение того безусловного смысла, который составляет разрешение мировой трагедии.

Едва ли нужно к этому прибавлять, что современные события и переживания, о которых идет здесь речь, по отношению к основному замыслу настоящего труда играют роль *только внешнего повода*. В общем, этот труд – выражение всего миросозерцания автора – представляет собою

плод всей его жизни. Текущими событиями обуславливается не его содержание, а та особая конкретная форма, в которую облеклись некоторые его главы. В общем же, настоящая книга продолжает ход мыслей, который уже раньше развивался в ряде трудов, в частности в моем «Мирозерцании В. С. Соловьева» (1913) и в «Метафизических предположениях познания» (1917). Да и все прочие труды, мною доселе изданные, частью выражают собою то же мирозерцание, частью же представляют собою подготовительные этюды к этой книге, где основные начала этого мирозерцания выражены полнее и определеннее, чем в более ранних моих сочинениях. Также и последующие мои религиозно-философские труды, если Бог даст мне дожить до их осуществления, могут быть лишь дальнейшим развитием высказанных здесь основоположных мыслей о смысле жизни.

Москва, 15 (28) июня 1918 года.
Кн. Евгений Трубецкой

Введение

1. Вопрос о смысле вообще и вопрос о смысле жизни

Попытке ответить на вопрос о смысле жизни должна предшествовать ясная и точная его постановка. Мы должны прежде всего сказать, что мы разумеем под тем «смыслом», о котором мы спрашиваем.

Спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о *безусловном значении* чего-либо, то есть о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли. Спрашиваем ли мы о смысле какого-либо непонятного нам слова, о смысле какого-либо нашего переживания или целой нашей жизни, вопрос всегда ставится о всеобщем и безусловном значении чего-либо: речь идет не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно *должно* значить для всех.

Так, понимаемый «с-мысл» есть логически необходимое предположение и искомое всякой мысли. Основное задание логической мысли заключается в том, чтобы не быть только субъективным переживанием. Поэтому всякая логическая мысль стремится утвердиться в чем-то безусловном и всеобщем, что носит название истины или смысла. Мысль же только субъективная, которая не достигает цели этого стремления, мысль, не способная стать общезначимой, отбрасывается всяким логически мыслящим как *бессмысленная*. Иначе говоря, «смысл» есть общезначимое мысленное содержание, или, что то же, *общезначимая мысль*, которая составляет обязательное для всякой мысли искомое.

Нетрудно убедиться, что так понимаемый «смысл» представляет собою логически необходимое предположение не только всякой мысли, но и всякого сознания. Со-знать именно и значит – осмыслить, то есть отнести сознаваемое к какому-нибудь объективному, общезначимому смыслу.

Пока я только *переживаю* те или другие ощущения, впечатления, эмоции, – я еще не *сознаю*; *сознаю* я только с того момента, когда мысль моя, возвышаясь над воспринимаемым, относит его к какому-либо общезначимому мысленному содержанию, утверждаемому как «смысл».

Положим, я сижу на берегу большой реки. Я вижу вдали что-то похожее на туман; потом впечатление проясняется и я отчетливо воспринимаю какой-дымок. Может быть, это – поднявшееся над рекой облако; может быть, это – дым отдаленной фабричной трубы или идущего вдоль берега паровоза. Но вот дымок, казавшийся сначала неподвижным, начинает приближаться, следуя извилинам реки; а вместе с тем мое ухо ясно начинает различать усиливающееся по мере приближения шлепанье по воде. И вдруг мне окончательно становится ясным несомненный смысл всего воспринимаемого, смысл, разом превращающий весь хаос моих восприятий в единую, целостную картину. *Это – пароход идет вниз по течению!* Все, что раньше мне представлялось или казалось, – облако, дым фабрики или паровоза – отбрасывается мною как *только мое*, мнимое, психологическое. Я нашел *нечто сверхпсихологическое*, что больше всех моих ощущений, переживаний, мыслей, общее *искомое* моих мыслей, которое ими предполагается и которое поэтому называется «с-мыслом». В отличие от всего того мнимого, кажущегося, что я отбросил, это мысленное содержание, сознаваемое мною как смысл, утверждается мною как *общеобязательное*. Раз для меня ясно, что я вижу и слышу пароход, идущий против течения, я требую, чтобы и все признавали то же самое. То же самое мысленное содержание должно выразить «с-мысл» переживаний и восприятий других людей, которые тут же рядом со мною смотрят вдаль в том же направлении и слушают.

Такое же значение вопроса о «смысле» может быть показано на любом конкретном примере. Это – всегда вопрос об общезначимом мысленном определении чего-либо, о безусловном значении для мысли чего-либо познаваемого или просто сознаваемого. В этом значении слова «смыслом» должно обладать всё, что мы сознаём, ибо «сознать» именно и значит облечь что-либо в форму общезначимой мысли. Все то, что не поддается такому выражению, тем самым находится за пределами возможного сознания.

Под «смыслом», таким образом, всегда подразумевается общезначимая мысль о чем-либо, и в этом значении смыслом обладает решительно всё, что может быть выражено в мысли без различия ценного и неценного. Так понимаемый «смысл» может выразиться как в положительной, так и в отрицательной оценке любого предмета нашего познания, ибо отрицательная оценка совершенно так же, как и оценка положительная, может быть облечена в форму общезначимой мысли. Мы можем говорить о хорошем, дурном или о безразличном по отношению к добру и злу «смысле» того или другого деяния или факта – все эти изречения одинаково могут находиться в полном соответствии со словом «смысл» в широком его значении.

Но, кроме этого *общего* значения общезначимой мысли, слово смысл имеет еще другое, специфическое значение *положительной и общезначимой ценности*, и именно в этом значении оно понимается, когда ста-

вится вопрос о смысле жизни. Тут речь идет, очевидно, не о том, может ли жизнь (какова бы ни была ее ценность) быть выражена в терминах общезначимой мысли, а о том – *стоит ли жить*, обладает ли жизнь положительной *ценностью*, притом ценностью *всеобщей и безусловной*, ценностью, обязательной для каждого. Такая ценность, в качестве всеобщей, допускает общезначимое мысленное выражение, и, стало быть, *тесное*, специфическое значение слова «смысл» в данном случае не отменяет, а дополняет *общее* его значение. Искомым тут, как и во всех вопросах о «смысле», является общезначимая мысль, но при этом – *общезначимая мысль о ценности*. Нам предстоит прежде всего рассмотреть, какими данными мы располагаем для решения этой задачи.

II. *Общезначимый и сверхвременный смысл как искомое всякого сознания*

Чтобы искомое нами сознание смысла жизни было ясным и глубоким, мы должны сначала отдать себе отчет в необходимых предположениях всякого сознания.

С одной стороны, материалом нашего сознания служат разнообразные психологические переживания – ощущения, впечатления, чувствования. С другой стороны, как уже было выяснено, *самый акт сознания* выражается в отнесении всего этого психологического материала к чему-то общезначимому и постольку – сверхпсихологическому – *к смыслу*. Этот сверхпсихологический смысл и есть основное необходимое предположение всякого сознания как такового. Раньше всякого конкретного сознания, раньше всякого усилия, которое я делаю, чтобы сознать что-либо, я предполагаю, что те переживания, которые я стремлюсь осознать, имеют какой-то объективный *с-мысл* и постольку могут быть выражены в форме *общезначимой мысли*.

Всякий акт моего сознания предполагает как свое искомое мысль, действительную за пределами всякого субъективного мышления, содержание сознания, действительное за пределами всякого индивидуального, психологического сознания.

Или есть эта общезначимая мысль, или все наше мышление – сплошная иллюзия. Или всякое сознание есть бред, обман, или же есть какое-то сверхиндивидуальное, сверхпсихологическое содержание сознания, которое составляет подлинный его смысл. Самое слово сознание (*con-scientia*) означает некоторый сложный акт духа, в котором психическое переживание восполняется чем-то со-знаваемым. Это что-то и есть сверхпсихический элемент сознания, его объективный смысл, к которому я отношу мои психические переживания.

Надо раз навсегда отрешиться от той ложной психологической теории, которая утверждает, будто в сознании мы имеем дело только с *состоянием* нашей психики. Если бы это было верно – у нас не было бы сознания. Если бы вся моя духовная жизнь исчерпывалась изменчивыми психическими состояниями, я не мог бы возвышаться над ними; иначе говоря, я не мог бы со-знавать их. Сознание наше – больше всех своих изменчивых состояний именно потому, что оно на самом деле *под-*

нимается над ними и относит их к чему-то сверхпсихическому, что носит название «смысла».

Присмотримся внимательно к сущности этого сверхпсихического элемента сознания, и мы ясно увидим, в чем его отличие от «состояний сознания». Одно его свойство – *всеобщность* – уже было указано раньше, смотрящие вдаль на берегу реки, несомненно, видят и переживают эту даль по-разному: между ними могут быть дальнорюкые, близорукие, дальтоники, люди с тонким слухом или глухие; стало быть, «состояния сознания» у них различные. И тем не менее смысл их переживаний – *«пароход идет вниз по течению»* – один и тот же. Он обладает свойством *всеобщности* и *безусловности*, он обязателен для каждого.

К этому присоединяется другая существенная особенность «смысла». В отличие от «состояний сознания», изменчивых и текучих, *смысл по существу неизменен и неподвижен*. В «состояниях сознания» наблюдателей на берегу реки в выше приведенном примере каждый миг отличается от всех предыдущих и последующих. Нарастает дым, то беловатый, то черный, нарастают и меняются звуки; судно, плывущее и приближающееся, то скрывается за лесистыми линиями извилистых берегов, то вновь показывается. Но как бы ни менялась картина, ее общий смысл – *«пароход идет вниз по течению»* – остается один и тот же; как бы ни была изменчива картина или событие, которое мы наблюдаем, смысл наблюдаемого всегда *сверхвременен*, всегда облечен *в форму вечности*. Вышеописанная картина может отойти в далекое прошлое, смысл ее от этого не меняется; все равно виденное мною и другими на берегу реки и по прошествии бесконечной серии лет будет означать то же самое – *«пароход идет вниз по течению»*. Неизменен, конечно, не самый факт, *неизменна истина, выражающая смысл этого факта*; и, каким бы текучим и преходящим ни был тот или другой факт, у него всегда есть свой неизменный смысл, или, что то же, своя неизменная истина.

Мы уже говорили, что без отнесения к смыслу нет сознания, что сознать – значит осмыслить. Теперь мы видим, что сознать – значит подняться над временем, мало того – поднять на сверхвременную высоту познаваемое, каким бы текучим и преходящим оно ни было. Общий закон всего, что во времени, выражается известным изречением Гераклита – «все течет». Едва мы назвали вещь, как она уже изменилась и как будто утратила свое тождество. На этом основании, как известно, последователи и продолжатели Гераклита признавали невозможным произносить о вещах какие-либо суждения: ибо раз нет неизменного, тождественного с собою подлежащего, всякое сказуемое о таком подлежащем тотчас по произнесении или даже в самый момент произнесения должно оказаться ложью, так как подлежащее уже изменилось. Заблуждение этого построенного на учении Гераклита софизма заключается *в смешении факта и его смысла*; именно отсюда выводится ошибочное заключение, будто изменчивость факта исключает неизменность его смысла или неизменность истины об этом факте. На самом деле – как бы ни был изменчив факт – эта изменчивость не исключает возможности суждений о нем, потому что суждения относятся к сверхвременному смыслу изменчивого.

По Гераклиту, нельзя дважды искупаться в одной и той же реке, потому что та река, в которой я купался раньше, уже протекла, и через секунду мы имеем уже не ту, прежнюю, а другую реку. Точнее говоря, нельзя даже искупаться в одной и той же реке *однажды*: ибо река не остается ни одной секунды одной и той же: того пребывающего сущего, которое мы называем рекою, вообще нет вовсе. Ошибка этого Гераклитова рассуждения заключается в том, что слово «река» выражает собою не какие-либо уносимые течением капли, струи или изменчивые состояния, а некоторый неизменный смысл всей этой текучей серии состояний. Река остается рекой, какие бы струи в ней ни протекали и в какие бы цвета в зависимости от погоды и времени дня эти струи ни окрашивались. Ибо это слово – «река» – выражает собою что-то отвоеванное сознанием у времени, некоторый непреходящий и неизменный «смысл» чего-то текущего.

Это же различие текущей действительности от ее смысла дает нам ключ к разрешению другого знаменитого софизма древности, касающегося проблемы движения. Элеец Зенон, как известно, отрицал реальность движения и в доказательство указывал на невозможность помыслить движение без противоречий. Если мы попытаемся, например, выразить в терминах мысли движение летящей стрелы, то мы должны мыслить ее сразу и движущейся и покоящейся: она должна и двигаться и вместе с тем пребывать в каждой точке, через которую она проходит. Но если она движется, то она ни в какой точке не может пребывать; если же она где-либо пребывает, то она не движется.

Видимость противоречия объясняется именно указанным выше смешением *реального процесса*, который представляет собою непрерывное изменение, и *неподвижного смысла* этого процесса. В картине летящей стрелы есть, несомненно, сочетание движения и покоя, но нет того внутреннего логического противоречия, которое смущает Зенона, ибо предикаты «движение» и «покой» тут относятся к различным субъектам. Движение стрелы не прерывается покоем ни в одной точке и совершается непрерывно. Но мысль, судящая об этом движении и воспроизводящая линию полета стрелы, покоится как во всей этой линии в ее целом, так и в каждой отдельной ее точке, ибо для этой мысли все эти точки связываются общим *неизменным* смыслом, который выражается словом «движение». Как бы ни было изменчиво то, о чем мы мыслим, истина об этом меняющемся неизменна, и мыслить ее – значит и для нас приобщаться мыслью к вечному покою. Движение есть сплошное, непрерывное изменение, но вечен и неподвижен тот смысл, в котором мы его осознаем. Под данным определенным движением разумеется всегда одно и то же, причем между этой неподвижностью смысла и подвижностью того, что им выражается, нет никакого противоречия.

Ошибка Зенона нередко повторяется и в наши дни. Еще недавно Бергсон, не заметивший этой ошибки, вывел из приведенной только что аргументации древнего философа заключение, будто наша мысль, оперирующая *неподвижными* общими понятиями, потому самому не в состоянии воссоздать непрерывности реального процесса, реального движения. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Мы отдаем себе ясный

отчет в *непрерывности* реального процесса. И эта мысль о непрерывности движения доступна нашему уму именно вследствие того, что для него все точки движения и все моменты времени, в течение коего оно совершается, связаны в интуиции смысла сверхвременного и потому не могущего быть прерванным во времени. Если бы мы могли мыслить все моменты движения не иначе как один за другим и не были бы в состоянии мыслить их *зараз*, в единый миг, то мы не могли бы и связать эти моменты и эти точки в одно непрерывное целое: тогда движение прерывалось бы для нас в каждой мыслимой нами его точке. Иначе говоря, в этом случае для нас не было бы самого перехода от точки к точке, то есть самого движения. Ясно, стало быть, что понятие непрерывности становится нам доступным именно в силу способности нашей мысли подняться над временем и мыслить как одно целое, как то, что в нем уже протекло, так и то, что протекает, и то, что еще не наступило; вообще, всякий синтез моментов, разделенных между собою во времени, возможен лишь через интуицию смысла сверхвременного.

Всякое вообще движение, всякое событие во времени имеет свой неподвижный смысл – истину, которая его выражает: иначе всякое высказывание об этом движении или событии было бы неправдою. Сверхвременный смысл движения и всего движущегося предполагается всякими нашими суждениями о движущемся, всяким нашим сознанием о нем. Это может быть пояснено на любом нашем суждении об историческом факте прошлого. Говорить об историческом прошлом – значит говорить о несуществующем, о том, чего *уже нет*. А между тем каждое наше суждение о событиях Французской революции предполагает, что предмет наш *некоторым образом есть в истине*, что в ней вообще сохраняется каждый мимолетный момент текущей и протекшей действительности. Если бы все моменты движения некоторым образом не сохранялись в истине, движение было бы немислимо, мы не могли бы построить самого понятия движения, ибо оно было бы ложью. Мыслить движение – значит мыслить каждый его миг и каждую точку, чрез которую оно проходит, как что-то исчезающее во временной действительности и вместе – пребывающее в истине.

Нам предстоит здесь выяснить, что такое эта пребывающая истина над движущимся и что такое этот сверхвременный смысл, чрез который мы сознаём всё, что сознаём.

III. Истина как акт безусловного сознания

Мы уже видели, что «сознать» – значит найти общезначимое мысленное содержание, общезначимую мысль, которая выражает с-мысл сознаваемого, или, что то же, его истину. Так называемое «ложное сознание» не есть сознание в собственном смысле, а либо неудавшаяся попытка сознать что-либо, либо пустая видимость, а то и симуляция сознания. Покуда я делаю только предположения о смысле чего-либо мною переживаемого, я сознаю не искомый мною смысл, а только мои предположения. Сознать в собственном смысле – значит не гадать об истине или смысле воспринимаемого, а *обладать им*. Сознает свое переживание не тот, кто думает:

«может быть, это гром гремит, а может быть, телега едет по мосту». Со-знающий в собственном смысле слова есть знающий. Смысл, или истина, есть именно то, что возводит мысль на степень сознания.

Отсюда видно, что смысл-истина – неотделим от сознания. Это – смысл, ему имманентный, который, в качестве такового, не может быть утверждаем отдельно от сознания.

Тут все наши утверждения об истине и смысле превращаются в сплошную антиномию, ибо одна и та же истина необходимо предполагается нами и как трансцендентная, и как имманентная сознанию.

С одной стороны, как мы видели, истина есть что-то *сверхпсихологическое*, к чему мы относим наши психологические переживания; постольку эта истина, которую мы расцениваем все наши переживания, есть нечто трансцендентное, *потустороннее* нашему сознанию как *психологическому акту*. Истина-смысл *действительна безусловно* и, стало быть, независимо от моего, твоего или чьего бы то ни было психологического сознания. Но, с другой стороны, во всяком искании нашего сознания истина-смысл, которой мы ищем, предполагается как *содержание сознания*, притом – как содержание общезначимое. Это нетрудно пояснить на ряде наглядных примеров, в особенности на истинах временного бытия.

«Весной X года жаворонки прилетели девятого марта». «Вторая Пуническая война продолжалась с 218 по 201 год до Р. X.» В чем заключается пребывающая истина этих двух утверждений? Для того, кто определяет истину как «бытие», они тотчас обращаются в ложь, ибо прилетевшие жаворонки, если они еще существуют на свете, давно отлетели обратно; точно так же Аннибал, Сципион и все прочие герои второй Пунической войны, равно как и самая война, давным-давно уже канули в «небытие». А между тем истина об этих фактах прошлого есть нечто такое, что *пребывает* и после уничтожения самых фактов. Пребывает не само это временное, непрерывно текущее «бытие», а некоторое неизменное, сверхвременное *содержание сознания*, которое выражается суждениями: «жаворонки прилетели девятого марта» и «вторая Пуническая война продолжалась с 218 по 201 год».

Утверждать какую-либо истину – значит всегда утверждать какое-либо содержание сознания во всеобщей и безусловной форме. Это можно показать на любом конкретном примере, о каких бы истинах ни шла речь. Из этого видно, что вера в истину-смысл, которая предполагается каждым нашим суждением и каждым актом нашего сознавания, есть на самом деле вера в транссубъективные, сверхпсихологические содержания сознания, то есть в такие содержания сознания, которые сохраняют всю свою действительность и значимость совершенно независимо от того, сознаются или не сознаются они теми или другими психологическими субъектами сознания. То содержание сознания, которое выражается словами «земля вращается вокруг солнца», будет истиною, хотя бы ни один психологический субъект сознания об этом не знал. И когда мы исследуем, отыскиваем какую-либо никем доселе не открытую истину, мы ищем не какого-либо независимого от сознания «бытия», а именно того *содержания сознания* (о бытии или о чем угодно), которое мы могли бы утверждать как

безусловное, общезначимое и действительное, независимо от чьих-либо психологических переживаний.

Самое выражение «общезначимый» или «общезначимое» не вполне адекватно и точно выражает основное свойство истины, ибо оно невольно заставляет нас думать о каких-то психологических субъектах сознания, для которых истина что-либо «значит». Между тем именно от всего психологического нужно отвлекаться при определении истины. Положение «земля вращается вокруг солнца» остается истиною, хотя бы психологически оно ровно ни для кого и ничего не значило. *Истина есть такое содержание сознания, которое обладает безусловною действительностью независимо от чего-либо психологического.*

Отсюда видно, в каком смысле истина трансцендентна и в каком смысле, наоборот, она имманентна сознанию. Она есть общезначимая мысль за пределами моего мышления как психологического акта и общезначимое содержание сознания за пределами моего сознания. Она для меня запредельна или трансцендентна, поскольку психологически я ее не сознаю. Но, будучи трансцендентною моею психологически ограниченной мысли и моему психологически ограниченному сознанию, истина ни в каком случае не трансцендентна сознанию как тако[во]му, сознанию вообще, ибо по самой природе своей истина есть общезначимая мысль, содержание сознания, обладающее формой всеобщности и безусловности.

Лишь в качестве таковой истина составляет *искомое* моего сознания и познания. Я могу подняться в акте сознания к сверхпсихологическому смыслу переживаемого мною, я могу схватить мыслью нечто, что возвышается над моими изменчивыми психологическими состояниями, – словом, я могу отодвигать до бесконечности психологические границы моего сознания и мысли, но выйти за пределы сознания и мысли вообще мое сознание и моя мысль не могут ни психологически, ни логически. Все, что я сознаю, тем самым есть содержание сознания, и ничего, кроме мысли, моя мысль схватить не может. Предполагать истину (а истина предполагается нашим сознанием и мыслью неизбежно, необходимо) именно и значит предполагать, что над моими мнениями и мыслями есть некоторая безусловная мысль о познаваемом и что над моим сознанием есть некоторое безусловное, объективное содержание сознания, которое выражает собою подлинную сущность сознаваемого.

Та теория познания, которая изображает истину как независимый от мысли и потусторонний ей предмет познания, а самое познание – как мысленную копию с этого предмета, должна быть раз навсегда оставлена; ибо, если эта истина-оригинал была запредельна мысли, мысль не могла бы снимать с нее копий. Мысль может снимать копии только с мысли же. Истина была бы безусловно несравнима с моими обманчивыми мнениями и ложными мыслями, если бы она сама не была определенной мыслью, определенным содержанием сознания. Во всякой попытке нашей осознать или познать что бы то ни было мы сравниваем между собою множество мыслей, множество содержаний сознания и спрашиваем, *которое из них есть истина*. Но во всяком случае мы предполагаем, что истина есть определенная мысль, определенное содержание сознания, иначе весь

этот процесс сравнения и выбора между мыслями был бы лишен всякого смысла. Я вижу на горизонте какие-то неопределенные беловатые контуры. Быть может, это – облако; но, может быть, это – отдаленная горная вершина. Как бы я ни решил этот спор противоположных представлений, мыслей и мнений, – *все-таки из сознания и мысли я не выйду*: всякое решение будет утверждать как истину не что-либо внемысленное и вне-сознательное, а ту или другую определенную мысль, то или другое определенное *содержание сознания*.

Согласно ходячему воззрению, истина есть *возможное* содержание сознания для *возможных* психологических субъектов. Было бы глубоко ошибочно видеть в этом *определяющий* признак истины, ибо наличность или отсутствие истины не могут зависеть ни от какого психологического факта. Истина-смысл нашего сознания необходимо предполагается как что-то независимо от нас действенное, безусловно действительное: она не может быть обусловлена *реально* существованием психологического субъекта, могущего ее сознать. Есть такой субъект или нет его, истина есть во всяком случае. Точно так же психологический субъект, «могущий сознать», не является и логическим условием существования истины, ибо именно по своей логической природе *истина есть безусловное*.

Эта безусловность и, в частности, психологическая необусловленность истины предполагаются всяким нашим суждением о какой-либо истине. Верить, что это гора *воистину есть*, значит предполагать, что она существует не только для возможного человеческого или человекообразного наблюдателя. Для психологического субъекта сознания наблюдение фактов прошлого *в настоящем* невозможно; и однако, мы предполагаем эти факты как что-то безусловно действенное в истине. А в тех случаях, когда наблюдение горы или иного явления психологически возможно, не оно обуславливает истинность существования горы, а наоборот, *наблюдение возможно потому, что гора истинно существует*.

Словом, истина необходимо предполагается нами как такое содержание сознания, которое действительно не только за пределами нашего сознания, но и за пределами чьего бы то ни было психологического переживания. Это – действительность не логическая только, а онтологическая, ибо истина объемлет в себе все, что есть: всякое бытие в ней содержится и в ней находит свое безусловное определение; оно есть лишь поскольку оно *есть в истине* – иначе говоря, *истина есть сущее*: иначе она не могла бы быть истинною бытия.

В каком же смысле она есть сущее? Мы видели, что вся действительность истины есть *действенность содержаний сознания*. Ясно, стало быть, что верить в нее – *значит предполагать безусловное сознание как подлинно сущее и действенное*. Хотя бы на свете вовсе не было психологических субъектов, могущих воспринимать и сознать, *истина есть*: стало быть, есть некоторые содержания сознания, носящие на себе печать необходимости, всеобщности и безусловности. Есть некоторое сверхпсихологическое сознание, безусловное и всеобщее как по форме, так и по содержанию. И я – психологический субъект – могу сознать истину, лишь поскольку я так или иначе приобщаюсь к этому сознанию.

Мои представления и мнения обладают существованием лишь условным: когда меня не будет, и их не будет. Напротив, истина – это такое содержание сознания, которое есть безусловно, хотя бы нас, людей, не было вовсе. Истина всегда выражает собою вечно активное сознание, хотя бы она была даже истиною какого-либо преходящего факта. Цезарь и Аннибал давно исчезли, но те содержания сознания, которые выражают собою истину о Цезаре и Аннибале, остаются *вечно действительными*. Что же это за *действительность содержаний сознания, не зависящая от существования психологических субъектов сознания*? Не очевидно ли, что предположение истины, на котором покоится все наше сознание и мышление, совершенно тождественно с предположением безусловного или абсолютного сознания? *Или истина есть акт безусловного сознания, или истины нет вовсе.*

IV. Истина как всеединая мысль и всеединое сознание

Это предположение безусловного сознания составляет необходимую предпосылку всякого акта *нашего* сознания. Мы уже видели, что со-знать, осмыслить что бы то ни было – именно и значит найти некоторое безусловное сверхпсихологическое содержание сознания, которое составляет истину или смысл сознаваемого. Или есть этот сверхвременный смысл, которого мы ищем, или тщетно наше искание. Или в самом деле все, что мы стремимся познать, от века осознано в Безусловном, или же нет вовсе той истины, которая составляет искомое нашего сознания; нет того, что со-знается нами; но в таком случае и само наше сознание есть чистая иллюзия.

Безусловное сознание – вот та необходимая точка опоры, которая предполагается всяким нашим субъективным, антропологическим сознанием. Без этой точки опоры все в моем сознании погружается во мрак, все исчезает – и материя и форма, все смешивается в хаос субъективных переживаний, над которым я не в силах подняться, ибо я могу сознавать только при свете безусловного сознания. Всякий акт моего сознания предполагает, что со-знаваемое от века осознано в безусловном; всякое искание моей мысли предполагает некоторый сверхвременный «смысл», которого я ищу, то есть некоторый сверхвременный акт безусловной мысли.

Вникнув в сущность основного предположения нашего сознания, мы откроем дальнейшие его определения. Сознать что бы то ни было – значит найти *единую* истину, *единый* смысл сознаваемого; наших человеческих мнений и мыслей может быть беспредельное множество, но истина – одна для всех. И познать – значит отнести сознаваемое к этому единому, для всех обязательному смыслу – истине.

Истина – это такое содержание сознания, которое для всех едино, такая мысль о сознаваемом, которая для всех обязательна. Вместе с тем истина необходимо предполагается нами как мысль всеохватывающая, *объемлющая все действительное и возможное*. Всякий акт моего сознания предполагает, что о всяком возможном предмете сознания есть только *одна истина*, что есть только *одна* возможная мысль, которая выражает собою мысль всего сознаваемого. Иначе говоря, истина предполагается

нами как мысль единая и в то же время всеобъемлющая, то есть как всеединая мысль. Есть истина обо всем, и в то же время истина едина. Стало быть, истина есть *единое и все* в одно и то же время. И это единство истины есть единство безусловной мысли обо всем.

Если бы истина не была всеединою мыслью, то могли бы быть две противоречивые истины об одном и том же. Тогда могло бы быть объективно истинным и то, что была Пуническая война, и то, что ее не было, и то, что это белое пятно на горизонте – гора, и то, что оно – облако. Тогда было бы суетным самое наше стремление сознать, то есть найти единый смысл, единую безусловную мысль о сознаваемом. Сказать, что есть единая истина, – значит утверждать, что *есть единая безусловная мысль обо всем*.

Как же относится эта *всеединая* мысль-истина к моему человеческому сознанию? Мы а priori* убеждены, что и все *наше*, психологическое, охвачено этим всеединством, что всякое наше представление, чувство, переживание имеет только один возможный смысл, допускает одно только истинное истолкование. Это априорное предположение составляет необходимую предпосылку всего моего сознания. Со-знать именно и значит – отнести что-либо к истине; соответственно с этим всякое мое усилие сознать что бы то ни было *a priori* предполагает существование истины как общезначимого смысла сознаваемого. Это было бы невозможным, если бы всеединство истины представляло собою нечто абсолютно потустороннее сознанию. Я отношу к истине *всякое* мое психическое переживание, всякое состояние моего сознания. Я заранее уверен, что эти переживания так или иначе *есть в истине*, иначе всякое мое сознание было бы иллюзией.

Мои чувства могут меня обманывать. Тот дом, который я сейчас вижу, быть может, на деле вовсе не дом, а *мой* субъективный мираж, моя фантазия. Но и в таком случае мои представления объемлются истиною, ибо истинно то, что мне сейчас представляется дом, истинно то, что я в данную минуту переживаю галлюцинацию. Так же точно и мои мысли могут быть обманчивыми и ложными; и, однако, вся эта моя ложь не только объемлется истиною, но и преодолевается в ней, снимается в ней как ложь и таким образом претворяется в истину. Мое мнение, что Гомер не существовал как историческое лицо, может быть ложью, но в таком случае истинно то, что я держусь этого ошибочного мнения, и истинно то, что оно ошибочно.

В известном смысле, стало быть, в истине есть все, что я думаю, все, что я ощущаю и чувствую, все состояния и переживания моего сознания. Это было бы совершенно невозможно, если бы истина представляла собою некоторую потустороннюю сознанию как таковому действительность или реальность. Если в истину некоторым образом включено все сознаваемое и всякий акт сознания действительного и возможного, – это значит, что *истина есть полнота совершенного и абсолютного сознания обо всем*.

* До и вне опыта (букв.: из предшествующего) (*греч.*). Здесь и далее перевод иностранных слов и выражений в сносках осуществлен при подготовке настоящего издания.

Именно как полнота всеединого сознания истина предполагается всяким актом *моего* сознания; единственно на этом предположении основано все наше искание истины. Раньше всякого ответа на наш вопрос об истине мы безусловно уверены, что такой ответ существует, то есть что в истине я могу найти все содержания моего сознания *в их безотносительном значении*. Искание истины есть попытка найти безусловное сознание в моем сознании и мое сознание – в безусловном. Если безусловного сознания нет, то вся эта попытка – чистая иллюзия; тогда невозможно никакое познание и никакое со-знавание. Если нет безусловного сознания, – *сознания, тождественного с истиною*, то никакие высказывания, суждения и интуиции сознания не в состоянии выразить истину. Отрицание безусловного сознания с логической неизбежностью приводит к оправданию известных софистических положений. Истины нет; но если бы истина и существовала, она не была бы познаваема; а если бы она была познаваема, она была бы непередаваема посредством речи.

Собственно, основное положение софистики – «человек есть мера всего истинного, что оно есть истинное и ложное, что оно – ложное», – представляет собою не что иное, как категорическое отрицание всеединого, безусловного сознания. Всякое сознание как таковое с этой точки зрения только человечно, антропологично, а потому – *только индивидуально*. Если это верно, если над сознанием человеческого индивида нет другого сознания – единого, всеобщего, безусловного и в этой своей сверхпсихологической безусловности действительного, тогда софисты правы. Тогда человек с его хаосом противоречивых суждений обо всем и в самом деле – мера всего, и нет никаких *объективных* оснований предпочесть одно из двух противоречивых суждений другому.

Софистика, как известно, была побеждена тем сократическим требованием, которое выражается в изречении дельфийского оракула: «познай самого себя». Сократ, а вслед за ним и Платон показали, что в самопознании или самосознании человек приходит к *объективной идее*, то есть к сверхиндивидуальному, вселенскому и безусловному сознанию.

Идея, как ее понимал Платон, не исчерпывается такими определениями, как «понятие» или «сущность»; ибо идеи, по Платону, не только «понимаются» или «сознаются» людьми – они обладают независимым, отрешенным от людей существованием и сознанием, но сознанием не индивидуальным, не психологическим, а сверхиндивидуальным, ибо идея по самому существу своему есть *вселенское*. Этот мир идей, объективно связанных связью *единого*, есть именно вселенское, безусловное сознание в отличие от сознания индивидуального, объективная мысль-истина. И сознать, по Платону, именно и значит – вспомнить, найти в глубине моего индивидуального сознания эту вселенскую мысль, всеохватывающую и единую для всех.

Как относится эта объективная мысль-истина к моим переживаниям; в каком смысле она их в себе объемлет и охватывает? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно принять во внимание, что *сами по себе* мои представления, чувства и вообще психические переживания – не истина и не ложь. Истинными или ложными они становятся лишь с той минуты, когда я

пытаюсь сознать их объективную связь и утверждаю эту связь в суждении. Круглое, красное, зеленое, вкусное, твердое и тому подобные отрывочные представления сами по себе – не истина и не ложь; но с той минуты, когда я скажу – это *дерево зелено* или – это *дерево красно*, я буду иметь представления истинные или ложные. Истинным или ложным может быть лишь синтез тех или других содержаний сознания, а не отдельные содержания сознания *сами по себе*, взятые в отрыве одно от другого. Ложным будет такой синтез, который представляет собою продукт только моего индивидуального усмотрения или мнения. Напротив, истинным будет синтез общезначимый или безусловный.

Истина есть *абсолютный синтез*, то есть такой синтез представлений, который имеет сверхпсихологическое, безусловное значение. Вера в истину, которая составляет а priori всего нашего сознания, есть именно вера в такой *абсолютный синтез*, в котором все представления, возможные и действительные, даны в их безусловном значении.

Это можно пояснить на примере, приведенном в начале этого введения. Когда я вижу темное пятно на горизонте и спрашиваю, что это такое – дым фабрики, стоящей на месте, или же дымок приближающегося парохода, – вопрос ставится мною об абсолютном синтезе представлений: истина («пароход идет вниз по течению») тут отличается от обманчивого субъективного мнения («на горизонте дымит фабрика») именно как синтез *безусловный*, а потому и необходимый, общезначимый от синтеза произвольного, только субъективного, имеющего значимость только психологическую.

То же самое можно пояснить на всяком другом примере: спрашиваю ли я об исторической дате какого-либо события, истина, которой я ищущу, есть абсолютный синтез между датой и событием; решаю ли я какую-нибудь арифметическую задачу, опять-таки искомая истина выразится в виде синтеза того или другого понятия с тем или другим числом. Недаром все суждения, расширяющие наше познание истины, суть суждения *синтетические*. Материалом для таких суждений служит решительно все, что я воспринимаю и переживаю. Имею ли я дело с восприятием какой-либо объективной реальности или с моей субъективной галлюцинацией, все равно я всегда предполагаю, что есть некоторый *абсолютный синтез*, который выражает истину, переживаемую мною. Суждение «данное явление есть мой субъективный бред» есть такое же утверждение *абсолютного синтеза двух представлений (видящего субъекта и бреда)*, как и суждение «я вижу действительного человека» (где переживание видящего связывается с объективной реальностью видимого).

Стало быть, всякий вопрос моего сознания об истине – смысле сознаваемого – предполагает такой абсолютный синтез, в котором все представления действительные и возможные необходимо связаны между собою, *связаны раньше, чем я успел сознать или осмыслить эту связь*. Всякое искание истины-смысла предполагает ее как синтез, уже заверченный раньше всякого нашего суждения. Словом, абсолютный синтез наших представлений необходимо предполагается нами не только как логическое, но и как *реальное предшествующее* всякого акта нашего сознания.

Моя попытка найти безусловную связь моих представлений предполагает, что эта связь прежде всякого возможного суждения дана в истине.

Раньше мы видели, что истине как таковой присуща форма вечности, что вечной представляется всякая истина, даже истина о преходящем событии во времени. Стало быть, предполагать истину – значит предполагать не только абсолютный, всеединый, но при этом и предвечный синтез всех возможных содержаний сознания.

Чтобы схватить единый смысл чего бы то ни было, моя человеческая мысль должна переходить *во времени* от момента к моменту, от одного элемента данности к другому. Чтобы получить арифметическую сумму, я должен прибавлять слагаемое к слагаемому; чтобы произнести суждение «пароход плывет вниз по течению», я должен последовательно переходить от одного зрительного впечатления к другому и от впечатлений зрительных к впечатлениям звуковым. Но в истине нет всех этих переходов; там раньше всякого сложения дана сумма всех возможных слагаемых и раньше всякого нашего размышления о наших впечатлениях дан мысленный итог всех этих впечатлений. Там последствия даны одновременно с причинами; говоря иначе, в истине дана от века *вся та цепь причин и следствий*, а стало быть, и вся та цепь событий, которая разворачивается перед нами во времени, дано все бесконечное прошлое этой цепи и все ее бесконечное будущее.

Не будь этого сверхвременного синтеза всего воспринимаемого нами в истине, мы не были бы в состоянии собрать и связать двух мыслей во времени – вся наша мысль уносилась бы непрерывным течением временного; а при этих условиях не было бы и сознания. Когда я рассматриваю какое-нибудь шарообразное тело, я не могу видеть сразу все его стороны; чтобы осмотреть со всех сторон этот шар, я должен его переворачивать в руках, последовательно переходя от одной стороны к другой. Чтобы собрать эту множественность впечатлений в единое представление о шарообразном теле, я должен возвыситься сознанием над течением времени, я должен предположить, что проходящее передо мною сохраняется где-то в неизменной истине, по ту сторону моих изменчивых переживаний. Только через этот синтез в сверхвременной истине я могу найти и сознать любой предмет во времени. Я не могу ни о чем судить и ничего сознать иначе, как предполагая, что раньше всякого моего суждения мои впечатления уже собраны и связаны в этом абсолютном синтезе. Все мною воспринимаемое ново только *для меня*, для моего психологического сознания; но в абсолютном синтезе истины *от века есть* вся эта цепь событий и впечатлений, которая передо мною развернулась, разворачивается или еще будет разворачиваться во времени; мало того, в истине каждое звено этой цепи, как бы мало и ничтожно оно ни было, имеет свое безусловное метафизическое место и значение в целом. В этом – необходимое предположение и единственно возможная точка опоры для всякого нашего суждения о наших впечатлениях. Все эти суждения суть не более и не менее как попытки воспроизвести абсолютный синтез, то есть *вечный суд истины* о каждом данном предмете нашего познания и сознания. Но этим самым предполагается, что есть этот абсолютный синтез, есть и этот пред-

вечный *суд истины* обо всем, о чем возможны какие-либо суждения. Иначе говоря, всякое сознание и всякое суждение предполагают истину как абсолютное сознание, в котором все связано безусловной и необходимой связью; задача всякого суждения только в том и заключается, чтобы найти, раскрыть этот безусловный синтез всеединого сознания о каждом данном предмете нашего суждения. Предполагаемый с-мысл всякого сознания есть абсолютное сознание, а с-мысл всякого суждения есть абсолютная мысль. Стало быть, если нет абсолютного сознания и абсолютной мысли, то нет и абсолютного смысла. Тогда всякое сознание и всякое наше суждение бессмысленно. Этим предположением абсолютной мысли живет наша мысль; отказаться от него – значит, стало быть, отказаться от всякого мышления и сознания, что невозможно логически: ибо и самый отказ от абсолютной мысли, как и всякое вообще суждение, притязающее на истинность, логически предполагает абсолютную истину, то есть в конце концов – ту же абсолютную мысль*.

* * *

В заключение остается точнее формулировать то предположение безусловного сознания, которое, как мы видели, составляет необходимую предпосылку *нашего* человеческого сознания. Необходимо отметить, что в применении к Абсолютному бессильно слово, неадекватны все термины человеческого языка; несовершенны и выражения «абсолютное сознание» и «всеединое сознание». Чтобы избежать опасности психологизма, то есть уподобления Безусловного нашим человеческим переживаниям, надо все время иметь в виду эту недостаточность и неточность человеческих слов; в особенности же необходимо ясно сознавать, в чем она заключается.

Отличие всеединого ума от нашего, человеческого, заключается, прежде всего, в полноте этого ума, объемлющего всё и тождественного с истинною всего. Поэтому для того, чтобы правильно мыслить этот ум, мы должны отвлечься от всех присущих нашему уму психологических границ.

Прежде всего, как это уже было многократно выше указано, акт всеединой мысли и всеединого сознания *не есть психологический процесс во времени*. С этим связано другое его отличие от нашего ума: *всеединая мысль есть интуитивная, а не рефлектирующая*. Наша смертная мысль всегда находится в *процессе искания смысла*, а потому всегда либо восходит к искомому смыслу от какой-либо еще неосмысленной ею данности, о которой она размышляет, *рефлектирует*, либо, наоборот, исходя из сознанного смысла, возвращается от него к данности, выводя по отношению к ней логические последствия.

Всеединому уму этот психологический процесс рефлексии, безусловно, чужд: ибо этот ум не переходит от данности к смыслу или обратно – от смысла к данности. Он *непосредственно обладает* смыслом всего действительного и мысленного и *непосредственно видит* этот смысл во всем,

* Более подробное развитие и обоснование мыслей, изложенных в настоящем введении, читатель найдет в моей книге «Метафизические предположения познания» (М., 1917, книгоизд. «Путь»).

что дано; для того чтобы *видеть смысл* чего-либо, ему не нужно искать его, ни отвлекаться от данности, ни размышлять о ней, потому что безусловная мысль сама есть безусловный смысл всего ею мыслимого.

Деятельность всеединого ума есть непосредственное *всеведение* и *всевидение*; в этом смысле нужно понимать и самый термин «абсолютное сознание». Всеединый ум видит и знает, а мы, люди, чрез него видим и вместе с ним со-знаём. По отношению к нам частица «со» в глаголе со-знавать выражает *обусловленность* нашего сознания, его зависимость от безусловного всевидения и всеведения. Ум же всеединый и абсолютный ничем не обусловлен, ни от чего не зависит. Поэтому и самый термин «всеединое сознание» по отношению к нему не вполне адекватен и может употребляться только с тою оговоркой, что он обозначает всевидение, или, что то же, – *всеведение*; при этом самая частица «со» в глаголе «сознавать» в данном случае не означает обусловленности всеединого ума или зависимости его от какого-либо другого ума. Свойство нашего ума выражается в том, что он может мыслить и сознавать лишь по приобщению к уму всеединому, или безусловному. Напротив, основное свойство этого последнего – *абсолютная независимость и абсолютное самоопределение*.

(Продолжение следует)

